

**О БРАЗЕ О. Э. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
БРАЗ О. Э. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
БРАЗ О. Э. — ПРОКУРОРУ
БРАЗ О. Э. — в ПРЕЗИДИУМ ВЦИК**

БРАЗ Осип Эммануилович, родился в 1873 в Одессе. Учился рисовать в Одесской рисовальной школе у К. К. Костанди, с 1890 по 1894 — продолжил образование в Мюнхене, в частной школе венгерского художника Ш. Холлоши. В 1895 — уже сложившимся художником поступил в Петербургскую академию художеств, в мастерскую И.Е. Репина, тогда же стал участвовать в выставках. В 1897 — получил звание художника за серию портретов. Прекрасный знаток живописи, коллекционер, ближайший сотрудник А. Н. Бенуа по "Миру искусств", член комитета и казначей объединения "Мир искусства". Занимался литографией и офортом, выполнял портреты и пейзажи; им создана галерея портретов русских художников конца XIX — начала XX века; в 1914 — избран академиком Академии художеств, с 1916 — как специалист, включен в состав комиссии по реставрации картин Эрмитажа. С 1918 — ученый хранитель и заведующий отделом голландской живописи Эрмитажа, профессор. 5 июня 1924 — арестован и заключен в тюрьму.

В ноябре 1924 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью поэт Максимилиан Волошин.

<19 ноября 1924>

«Город» Москва, Кузнецкий Мост, 24.

*Красный Крест,
Пешковой Екатерине Павловне*

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Я вчера получил письмо об отчаянном положении художника Браз. Это один из лучших русских портретистов, член "Мира искусства" и после А. Бенуа лучший знаток старой живописи в России. Уже восемь месяцев как он арестован. По слухам ему предъявили обвинение в экономическом шпионаже (!?). У него открылась чахотка в обоих легких. Сейчас его перевезли в Москву. Дознание и следствие вел тов<арищ> Азовский, и его заключение дано товарищу прокурора СССР Катаньяну на утверждение.

Не можете ли Вы чего-нибудь сделать для него, Екатерина Павловна? Погибает большая художественная величина. На днях Вы получите все сведения по его делу с ссылкой на меня.

Максимилиан Волошин.

19 ноября 1924 года»¹.

16 марта 1925 — Осип Эммануилович Браз был приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения². В августе 1925 — к Е. П. Пешковой обратился знакомый О. Э. Браз из Берлина.

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Здесь распространилось известие, что художник Браз по ошибке выслан на Соловки. Но ввиду большого семейного горя (у него умер старший сын, о чем он не знает) и крупных художественных заслуг заключенного, быть может, можно как-то выхлопотать для него или

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 38. С. 207. Автограф.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

принудительную работу по художественной части или полное освобождение. Я понимаю, что, если его до сих пор не отпустили, то что-либо за ним числится, но ввиду его прошлых заслуг в художественной деятельности и готовности работать на пользу государства — быть может что-либо сделать можно. Простите, что даже издалека беспокою Вас.

Глубокоуважающий Вас <нрзб>.

Берлин, 8 августа 1925 г<ода>»³.

Осенью 1925 — заведующим юридической комиссией Помполита была составлена "Справка" на Осипа Эммануиловича Браза для подготовки ходатайства о пересмотре его дела.

«С П Р А В К А

В Ленинграде несколько месяцев тому назад был арестован художник Осип Эммануилович БРАЗ. Две недели тому назад следователь сообщил, что он, БРАЗ, высылается из Ленинграда на 3 года и что обвинен он в экономическом шпионаже по ст<атье> 66 части 1. О. Э. Браз мог вызвать в качестве свидетеля ряд лиц, имеющих отношение к данному делу, но в этом ему было отказано. Художник БРАЗ является одним из известных русских художников, произведения которого имеются во всех не только наших, но и зарубежных музеях, но главное его значение — знатока европейского искусства, главным образом голландской живописи. Был хранителем этой школы нашего Эрмитажа, состоит профессор Академии Художества. Знания его неоднократно приносили неоценимые услуги, когда неведомо, кому приписать то или иное произведение, благодаря его экспертизе, получало совершенно определенную физиономию, на свет выявлялось совершенно новая вещь крупнейшего мирового художника. В ряде лиц европейского искусства, число коих очень незначительно, имя БРАЗА стоит на почетном месте. Фигура БРАЗА мирового звания историков искусств.

Кроме того БРАЗ 55-56 лет, страдает закупоркой вен, ослаблением сердечной деятельности.

Через несколько дней после его ареста умер его старший сын, единственный оставшийся в живых, его сын заболел скоротечной чахоткой. Жена принуждена была спасти сына, оставить мужа на произвол судьбы.

Высылая БРАЗА из Ленинграда, из Центра Искусства, этот человек непременно погибнет, ибо при его энергии и любви, будучи оторван от искусства, лишенный атмосферы искусства, дышать ему будет нечем, не говоря о том, что для искусства это потеря.

Суть обвинения такова: О. Э. БРАЗ был приглашен директором Отдела <нрзб.> немецким О<бщест>вом Юнкерс в качестве постоянного служащего по экспертизе художественных ценностей, которые предполагалось <что> будут продаваться Сов<етской> Властью этому О<бщест>ву на значительную сумму.

Каким-то путем это предположение дошло до английского представительства, которое будто бы об этом написало в Англию, после чего сюда выехал член Английской Академии КОРНВЕЙ, рассчитывающий быть тоже представителем на художественные ценности России и в этом осведомлении <нрзб.> обвиняется БРАЗ»⁴.

4 января 1926 — дело Осипа Эммануиловича Браза по ходатайству Помполита было пересмотрено, он был освобожден из лагеря, но с

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 44. С. 607. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 44. С. 608. Машинопись.

ограничением проживания на 3 года (-6)⁵. Поселился в Новгороде, работал в местном музее. 16 ноября 1926 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«Новгород. 16/XI - 1926.
Губ<ернский> музей.
Ул<ица> Луначарского № 4

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Первым делом прошу у Вас прощения, что опять обращаюсь за Вашей помощью и Вас так затрудняю, но так как я думаю и надеюсь, что Вы не откажете мне сделать все возможное, то и решаюсь на это. Дело в том, что из Ленинграда мне дали знать, что сегодня начинается подготовка музейным фондом перевозки моего собрания, как конфискованного по постановлению ГПУ.

У Вас был весной от моего имени Ал. Ал. Коршун и рассказал об этой угрозе, а затем подал тогда же во ВЦИК и Н. В. Крыленко мои ходатайства о привлечении меня к суду для того, чтобы я мог доказать неправильность обвинения и законность моего собирательства.

Тов<арищ> Крыленко, ознакомившись с моим заявлением, сказал А. Коршуну, что будет протестовать во ВЦИК'е, не видя причин ни конфискации, ни привлечения к суду.

Через 2 месяца я получил здесь в местном ГПУ пересланное из Москвы постановление, которое Вам тут же прилагаю. Я был уверен, что тов<арищ> Крыленко своевременно перед ВЦИК'ом это постановление опротестовал, но теперь вижу, что этого либо не было или протест был безуспешен. Думаю, что вернее первое! Утвердил ли ВЦИК это ходатайство ОГПУ мне также неизвестно, быть может, собрание хотят вывезти, не дожидаясь постановления ВЦИК'а, по настоянию моего Жакт'а, которому нужна эта квартира? Она ведь более года опечатанная, и я в последние месяцы не в состоянии был больше за нее платить. Я получил сейчас спешной почтой сведение из Ленинграда, что там возбуждено ходатайство об отсрочке приведения в исполнение и телеграфировано об этом в Москву. Кто это сделал и кому в Москву телеграфировали, мне неизвестно, но в письме настоятельно пишут, чтобы я через Ваше доброе содействие непременно сейчас же подал ходатайство о пересмотре этого дела. Не знаю, на чье имя адресовать ходатайство о пересмотре, посылаю Вам на всякий случай на два адреса по 2 экземпляра. Можно послать в оба места?! Это Вы сами решите! Обратите внимание, что в постановлении ОГПУ, копию которого я прилагаю, не указаны ни статьи, ни мотивы конфискации, и что вообще постановление исходит из Особого Сопределения Коллегии при ОГПУ, в то время, что мое дело, первое и главное, велось Судебной Коллегией.

Частным образом мне известно, что обвинение построено на том, что я, якобы, собирал свою коллекцию предметов искусства незаконным и преступным образом.

Я же, как всем известно, собирал 30 лет честнейшим образом, что могут подтвердить все музейные работники Эрмитажа и друг<их> музеев.

Итак, если Вы находите возможным и желаете мне помочь, то очень прошу Вас об этом, за что заранее выражаю Вам свою безграничную благодарность и признательность.

Глубоко уважающий Вас
О. Браз.

P. S. Если почему-либо Вы пожелаете известить о происходящем моих московских друзей, художников Грабаря и Кардовского, то на всякий

⁵ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

случай приписываю их адреса. Уверен, что если Вам понадобится их помощь для меня, то они все сделают.

Грабарь Игорь Эммануилович, Пятницкая 2, кв. 5, телеф<он> 475-56.

Кардовский Дмитрий Николаевич, Зубовск<ий> бульв<ар>, д<ом> № 15, кв. 8, телеф<он> 475-56

Копия постановления.

Выписка из протокола
Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 4-го июня 1926 г<ода>.

Пересмотр дела 28070.
гражд<анина> Браз Ос<ипа>
Эм<милевича> приговор<ом>
Судебной Коллегией от 4/1 - 26
к лишению права прожив<ания>
в 6 город<ах> и погран<ичных>
губ<ерниях> сроком на три года.

Постановили:
В дополнение к прежнему
постановлению войти с
ходатайством в през<идиум> ВЦИК
СССР о конфискации картин и
передаче их в музей.

Таким образом, Особое Совещание выносит дополнительное постановление к делу, решенному более года тому назад Судебной Коллегией, а сама никаких статей и обвинений не указывает!»⁶.

К письму Осипа Эммильевича Бряза к Екатерине Павловне Пешковой были приложены два заявления: верховному прокурору Крыленко и в Президиум ВЦИКа.

«ВЕРХОВНОМУ ПРОКУРОРУ РЕСПУБЛИКИ,
т<оварищу> КРЫЛЕНКО.

Академика Осипа Эммануиловича
БРАЗА, административно высланного
и проживающего в г<ороде> Новгороде,
(у<лица> Луначарского, 4)

З а я в л е н и е

В начале мая месяца этого года я получил уведомление из Ленинграда, что Ленинград<ское> ГПУ постановило конфисковать мое собрание предметов искусства, как будто незаконным и неблаговидным способом приобретенное.

Узнав об этом, я тотчас же отправил Вам лично, через моего приятеля гр<аждани>на Коршуна А. А. ходатайство об отдаче Вами распоряжения органу прокурорского надзора о назначении следствия по этому делу и последующем слушании его в судебном порядке, дабы я мог доказать честность и законность моего собирательства.

Ознакомившись с моим ходатайством, Вы высказались, что будете протестовать в Президиуме ВЦИК'а против конфискации, если нет доказанных с моей стороны преступлений. По старой же статье 117 УК, за которую я административно выслан, я конфискации не подлежал.

Через полтора месяца после этого я был вызван в местное Новгородское ГПУ, и мне было предъявлено постановление Особого Совещания при ОГПУ в Москве, что при пересмотре моего дела 4-го июня этого года, дополнительно к прежнему постановлению, постановлено ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК'а о конфискации моих картин

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 114. С. 144-145. Автограф.

и передаче их в музей. При этом не указаны были ни статьи, ни мотивы обвинения, вызвавшие такое постановление.

Рассчитывая, что Вы своевременно в Президиуме ВЦИК`а это постановление опротестуете, как обещали, я спокойно дожидался результатов. В настоящее же время меня срочно известили, что Музейный отдел в Ленинграде получил предписание вывезти мое собрание, как конфискованное. Я же лично официально об этом не извещен.

Обращаюсь поэтому к Вам, как блюстителю революционной законности, с просьбой войти с ходатайством, куда следует, о пересмотре моего этого дела, так как оно несомненно вызвано недоразумением, происшедшим от неверного освещения дела, порочащего мое доброе имя честного гражданина и научного музейного работника. Ведь по ст<атье> 117 УК, по которой я был осужден на три года концлагеря, а потом 5-го января 1926 г<ода>, после пересмотра дела, досрочно освобожден с заменой остатка срока минус 6 месяцев, я никакой конфискации не подлежал. Дополнительно же через два года после моего ареста вынесено постановление о конфискации моего научно-художественного собрания, которое я накапливал около тридцати лет самым упорным трудом и только честными и законными путями. С конфискацией же незаслуженно всех плодов моей долгой художественно-научной деятельности, я лишаясь всего, чем жил и для чего трудился.

Академик О. Браз.

16/XI 1926.

Подпись руки акад<емика> О. Бразы, проживающего в г<ороде> Новгороде, у<лица> Лунач<арского>, 4, Новгор<одский> Губ<ернский> музей, удостоверяет

Зав<едующий> Губ<ернским> музеем (подпись)»⁷.

«В ПРЕЗИДИУМ ВЦИК`а.

Академика Осипа Эммануиловича
БРАЗА, административно высланного
и проживающего в г<ороде> Новгороде,
(у<лица> Луначарского, 4)

З а я в л е н и е

В начале мая месяца этого года я получил уведомление из Ленинграда, что Ленинград<ское> ГПУ постановило конфисковать мое собрание предметов искусства, как будто незаконным и неблагоприятным способом приобретенное. Узнав об этом, я тотчас же отправил в Президиум ВЦИК`а ходатайство о предоставлении мне возможности доказать судебным путем неправильность обвинения и законность путей собирания моей коллекции. Через месяца полтора мне было предъявлено в местном ГПУ в Новгороде постановление Особого Сопределения при ОГПУ, в Москве, при пересмотре моего дела 4-го июня, что дополнительно к прежнему постановлению постановлено ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК`а о конфискации моих картин и передаче их в музей, при этом не указаны ни статьи, ни мотивы обвинения, вызвавшие такое постановление. Рассчитывая, что Президиум ВЦИК`а уважит своевременно поданное мною ходатайство о расследовании этого дела судебным порядком, как я о том просил, я дожидался результатов. В данное же время меня срочно известили, что Музейный отдел в Ленинграде получил предписание вывезти мое собрание, как конфискованное. Я же лично официально об этом не извещен.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 114. С. 146. Машинопись, подписи и дата — автографы.

Обращаюсь поэтому к Президиуму ВЦИК'а с просьбою пересмотреть это мое дело, так как оно несомненно вызвано недоразумением, происшедшим от неверного освещения дела, порочащего мое имя, как честного гражданина и научного музейного работника. Ведь по ст<атье> 117 УК, по которой я был осужден на три года Концлагеря, а потом 5-го января 1926 г<ода>, при пересмотре моего дела, был досрочно освобожден, с заменой на остаток срока минус 6 месяцев, я никакой конфискации не подлежал. Дополнительно же через два года после моего ареста вынесено постановление о конфискации моих научно-художественных коллекций, которые я собирал тридцать лет самым упорным трудом и только законными путями. С конфискацией же незаслуженно всех плодов моей долгой художественно-научной деятельности, я лишаюсь всего, чем жил и для чего трудился.

Академик О. Браз.

16/XI 1926

Подпись руки акад<емика> О. Браза, проживающего в г<ороде> Новгороде, у<лица> Лунач<арского>, 4, Новгор<одский> Губ<ернский> музей, удостоверяет

Зав<едующий> Губ<ернским> музеем (подпись)»⁸.

В 1928 — Осип Эммильевич Браз получил разрешение на выезд за границу к семье, выехал в Германию, позднее поселился в Париже, успешно вел антикварную торговлю и собрал хорошую коллекцию произведений искусства. 6 ноября 1936 — скончался во Франции.

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 114. С. 147. Машинопись, подписи и дата — автографы.